

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-5-23>

УДК 316.334.4

Attribution

cc by

ПОЛИЦИЯ КАК ЗАКРЫТАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Тюнь А.П.¹, Плотников В.В.²,

Ростовский государственный экономический университет, e-mail: tyun77@inbox.ru¹,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, inkognito13@inbox.ru²

Аннотация. Полиция во многих обществах формирует профессиональную субкультуру, отличающуюся высокой степенью сплоченности и замкнутости. Данная статья посвящена социологическому анализу феномена полиции как закрытой социальной группы на основе зарубежных исследований. Обобщаются выводы авторитетных монографий и крупных эмпирических работ о внутренних нормах, ценностях и ритуалах полицейского института. Показано, что профессиональная культура полиции во всем мире характеризуется сильной корпоративной солидарностью, жестким разграничением «своих» и «чужих», а также стигматизацией внешних групп. Особое внимание уделяется универсальным чертам полицейской субкультуры, проявляющимся вне зависимости от национального контекста. Применяя теоретические подходы Э. Гоффмана, М. Фуко и П. Бурдьё, авторами рассматриваются механизмы формирования замкнутости полицейского сообщества, включая институциональные практики дисциплины и символической власти. Результаты показывают, что закрытая культура полиции выполняет двойственную роль: с одной стороны, она поддерживает внутренний порядок, лояльность и помогает эффективно выполнять опасную работу, с другой – порождает «стену молчания» и сопротивление внешнему контролю. В заключение обосновывается необходимость учета данной субкультуры при проведении реформ и налаживании отношений между полицией и обществом, что представляет практическую значимость для социологии профессиональных групп.

Ключевые слова: полиция; профессиональная субкультура; закрытая социальная группа; корпоративная солидарность; стигматизация; ритуалы; социальные нормы; социология полиции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

POLICE AS A CLOSED SOCIAL GROUP (BASED ON FOREIGN RESEARCH)

Andrey P. Tyun¹, Vladimir V. Plotnikov²

Rostov State Economic University (RINH)¹,

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot; Plekhanov Russian University of Economics²

Abstract. In many societies, the police form a professional subculture characterized by a high degree of cohesion and isolation. This article is devoted to the sociological analysis of the phenomenon of the police as a closed social group based on foreign research. The findings of authoritative monographs and major empirical works on the internal norms, values, and rituals of the police institution are summarized. It is shown that the professional culture of the police throughout the world is characterized by strong corporate solidarity, a strict distinction between «us» and «them», as well as the stigmatization of external groups. Particular attention is paid to the universal features of the police subculture, manifested regardless of the national context. Applying the theoretical approaches of E. Goffman, M. Foucault, and P. Bourdieu, the authors consider the mechanisms of formation of the isolation of the police community, including institutional practices of discipline and symbolic power. The results show that the closed police culture plays a dual role: on the one hand, it maintains internal order, loyalty and helps to effectively perform dangerous work, on the other hand, it generates a “wall of silence” and resistance to external control. In conclusion, the need to take this subculture into account when implementing reforms and establishing relations between the police and society is substantiated, which is of practical importance for the sociology of professional groups.

Keywords: police; professional subculture; closed social group; corporate solidarity; stigmatization; rituals; social norms; sociology of the police.

Funding: Independent work.

Введение. Полиция как профессиональная группа традиционно привлекает внимание социологов, выступая примером института с ярко

выраженной корпоративной культурой. Еще в середине XX в. исследователи обнаружили, что полицейские формируют особую «полицейскую

субкультуру», характеризующуюся замкнутостью, секретностью и сплоченностью ее носителей [5, 7, 12]. Классическое исследование Уэсли выявило действие неформальных норм, поощряющих сокрытие информации от внешних групп и оправдывающих применение насилия ради поддержания престижа и «уважения» к полицейскому статусу [12]. В последующие десятилетия были подробно описаны характерные черты мировоззрения полицейских, возникающие под влиянием условий службы. Так, Дж. Сколник ввел понятие «полицейский рабочий характер», показывая, что постоянная конфронтация с опасностью и необходимость утверждения власти порождают у полицейских подозрительность, циничное восприятие гражданского мира и социальную изоляцию от него [7]. Многие авторы отмечали, что служба в полиции становится для офицеров не просто работой, а образом жизни, формирующим у них чувство особой миссии и братства коллег по отношению к остальному обществу [6]. Такая культура выполняет интегративную функцию, обеспечивая высокую внутригрупповую солидарность (нередко сравнимую с «сектантской» по степени лояльности [6]) и поддерживая передачу профессиональных знаний и ценностей от старших поколений новичкам [5]. Вместе с тем, замкнутость полицейского сообщества имеет и оборотную сторону: исторически отмечается тенденция к выработке у полиции менталитета «мы против них», оправдывающего скрытность и сопротивление внешнему контролю со стороны общества и надзорных органов [5; 6]. В различных странах – от США и Великобритании до Франции и других – обнаруживается удивительное сходство основных элементов этой профессиональной культуры, несмотря на различия в организациях полиции. Это делает полицию плодотворным объектом для межкультурного социологического анализа.

Настоящая статья ставит целью на основе авторитетных зарубежных исследований выявить и теоретически осмыслить ключевые свойства полиции как закрытой социальной группы. Анализ опирается на классические социологические концепции таких авторов как Э. Гофман, М. Фуко и П. Бурдьё, что позволяет взглянуть на профессиональную культуру полиции сквозь призму теорий стигмы, дисциплинарной власти и габитуса.

Методы.

Исследование носит качественный характер и основано на методе анализа содержания академических публикаций. В качестве эмпириче-

ской базы выбраны авторитетные зарубежные источники по социологии полиции: монографии, статьи в рецензируемых журналах, отчеты крупных полевых исследований, публиковавшиеся преимущественно в США и Западной Европе. Отбор литературы осуществлялся с учетом авторитетности (цитируемости) работ и их релевантности теме замкнутой полицейской субкультуры. Особое внимание уделено классическим исследованиям 1960–1980-х гг., заложившим основы теоретического понимания «полицейской культуры» [6; 7; 12], а также более поздним работам, уточняющим и переосмысляющим эти взгляды в условиях современных изменений [3; 4; 5].

Аналитический подход сочетает сравнительно-исторический и концептуальный анализ. Сопоставляя данные из разных социально-культурных контекстов, мы постарались выделить общие социологические закономерности в устройстве профессиональной культуры полиции. В ходе анализа выявлены ключевые повторяющиеся мотивы и категории (внутригрупповая солидарность, нормы лояльности, отношение к «чужакам», ритуалы, ценностные установки и пр.), которые затем интерпретируются через призму выбранных теоретических концепций.

Результаты.

Одной из центральных черт профессиональной культуры полиции является исключительная сплоченность личного состава и обособление от внешнего мира. Служба в полиции обычно воспринимается ее членами не просто как работа, но как призвание и образ жизни, требующий полной лояльности группе коллег [6]. Полицейские разделяют сильное чувство общей миссии по поддержанию порядка, которое оправдывает особый статус «хранителей закона». Это формирует корпоративную идентичность, в рамках которой мир делится на «своих» (товарищей по службе) и всех прочих. Р. Райнер метафорически описывает такую «коп-культуру» (от англ. *cop culture*) как нечто вроде секты, обеспечивающей посвященность и чувство братства для своих членов при одновременном исключении тех, кто не принадлежит к корпусу [6].

Посторонние – гражданское население, другие профессиональные группы – воспринимаются сквозь призму профессионального цинизма и подозрения. Еще по наблюдениям Дж. Сколника, постоянное ожидание опасности на службе делает полицейского склонным видеть в окружающих потенциальную угрозу, что усиливает социальную дистанцию между полицией и гражда-

нами [7]. В результате, внутри полиции складывается своеобразный культ внутренней солидарности, сопряженный с внешней изоляцией: офицеры полагаются, прежде всего, на поддержку напарников и коллег, тогда как на «чужих» (особенно правонарушителей либо просто непосвященных граждан) смотрят как на ненадежных и непонятных людей [6]. Такое мышление «мы против них», по сути, пронизывает многие аспекты полицейской субкультуры по данным интернациональных исследований [3; 5; 7].

Еще одним важнейшим компонентом замкнутой полицейской субкультуры выступает негласный кодекс лояльности по отношению к коллегам. От сотрудников ожидается безусловная взаимная поддержка и защита репутации друг друга перед лицом внешних сил – начальства, контролирующих органов, прессы или широкой публики. В рамках этого кодекса чести действует правило «не выдавать своих», даже если речь идет о проступках или нарушениях со стороны сослуживцев. Подобная установка на секретность была зафиксирована одними из первых социологических исследований полиции: например, В. Уэсли отметил, что более 70% опрошенных патрульных сочли допустимым солгать ради защиты товарища [12]. В последующие годы феномен корпоративного молчания неоднократно подтверждался – его метко обозначили термином «синяя стена молчания» (blue wall of silence), подчеркивая цвет полицейской формы [5; 8; 9; 10; 18]. Эта стена означает, что информация о правонарушениях внутри полиции редко выходит наружу, так как сослуживцы неформально блокируют расследования, отказываясь свидетельствовать против коллег [5]. Налицо своего рода парадокс: официально полиция призвана обеспечивать соблюдение закона, однако внутри самой полицейской организации действует негласная норма, препятствующая привлечению самих полицейских к ответственности. Такая замкнутость усиливает отчуждение полиции от общества и затрудняет внешнее надзорное воздействие. Тем не менее, она же воспринимается многими офицерами как добродетель – проявление товарищеской солидарности и защиты «чести мундира».

Замкнутость полицейской группы поддерживается также через систему ритуалов, символов и статусных разграничений внутри нее. Уже с этапа подготовки новые сотрудники проходят через своеобразный обряд посвящения в профессию – строгая дисциплина полицейской академии и стажировки под руководством старших наставни-

ков служат не только обучению навыкам, но и перенятию субкультурных норм. Новобранцам прививаются ценности «чести мундира» и групповой лояльности, усваивается профессиональный жаргон, модели поведения в типичных ситуациях, особенности юмора и общения, понятные только «своим» [5, с.18]. В дальнейшем, регулярные служебные ритуалы – построения, инструктажи, совместные учения, церемонии присяги, награждения и траурные мероприятия – укрепляют у сотрудников ощущение общности и преемственности традиций. Важную роль играет и материальная символика: единая форменная одежда, знаки отличия и спецсредства выступают внешними атрибутами статуса, отделяющими полицейских от гражданских. Иерархия званий и должностей в полиции имеет полувойсковой характер и строго определяет роли, однако наряду с формальной иерархией существует и неформальная. Так, большой опыт «уличной» работы (получение своего рода статуса ветеранства) приносит офицеру высокий авторитет среди коллег независимо от официального звания. Пользование уважением внутри группы – важный ресурс, за который негласно конкурируют: например, считаясь «жестким» и надежным в опасных ситуациях, полицейский повышает свой престиж в глазах сослуживцев. Напротив, офицеры, нарушившие корпоративные ожидания (например, запятнавшие репутацию отдела излишне тесными контактами с внешними проверяющими либо несоблюдением «кодекса молчания»), подвергаются остракизму или негласным санкциям со стороны коллег.

Таким образом, система одобряемых группой ритуалов и символов воспроизводит замкнутость полицейского сообщества, обеспечивая передачу его норм и поддержание внутренней дисциплины.

Неотъемлемым элементом закрытой полицейской культуры является и специфическое отношение к внешним социальным группам, прежде всего к тем, с кем полиция сталкивается в ходе поддержания правопорядка. Полицейские формируют устойчивые стереотипы относительно «типичных правонарушителей» и «проблемных элементов» общества. Нередко, внутри коллектива используется уничижительный жаргон для обозначения таких лиц, подчеркивающий их инаковость и низкий статус. Например, по наблюдениям Дж. Ван Манена, американские патрульные называют грубых или неподчиняющихся требованиям граждан презрительным прозвищем «идиот» (англ. *asshole*), считая, что к та-

ким «неуважительным» людям допустимо применять более жесткое обращение [10]. Подобные ярлыки выполняют функцию морального оправдания принудительных действий, создавая у офицеров ощущение собственного превосходства над «неблагополучными» слоями населения.

Полицейская субкультура также традиционно носит выраженный гендерно-маркированный характер. В мужских коллективах укоренен культ гипермаскулинности: ценятся решительность и силовая выучка, тогда как проявления мягкости или излишней эмоциональности порицаются. Этот «мачизм» и ориентация на силу, о которых упоминает Р. Райнер [6], способствует стигматизации любых «слабых» качеств – как у подозреваемых, так и у сослуживцев. Исторически субкультура полиции нередко включала предвзятое отношение к этническим и иным меньшинствам: в британской полиции второй половины XX в., например, фиксировались расистские и сексистские высказывания в кулуарных беседах (т. н. «культура кантин»), несмотря на официальное осуждение подобных предрассудков. Впрочем, как отмечает П. Уэддингтон, циничные разговоры и грубый юмор среди офицеров часто служат способом психологической разрядки и поддержания единства группы, не определяя напрямую их поведение на службе [11].

Таким образом, негласное разделение окружающих на «порядочных людей» и «опасных элементов» упрощает полицейским картину мира и подкрепляет чувство правоты, но одновременно может вести к чрезмерной жесткости и отчуждению от общества.

Субкультура органов правопорядка в России также отличается высокой степенью закрытости и внутренней сплоченности, во многом благодаря сохранению советского институционального наследия. Многие советские традиции продолжили существование: например, милиция затем полиция сохранила милитаризованную иерархию и систему званий, аналогичную вооруженным силам, а также практику проактивного «профилактического» надзора за населением. В итоге, культура российских правоохранителей эволюционировала как относительно автономная субкультура, обособленная от гражданского общества. На этот аспект указывает ряд исследований, в частности, И.А. Петрулевич полагает, что «одной из наиболее острых «имиджевых» проблем деятельности полиции и хода осуществления ее реформирования выступает широко представленный и постоянно тиражируемый тезис о том, что самый явный результат проведенных преобразований – это

тезис о том, что это «просто переименование милиции в полицию»» [16].

Среди российских полицейских традиционно сильны корпоративное единство и взаимовыручка. Коллектив выступает в роли закрытого сообщества, своего рода «семьи», где сослуживцы считаются «своими» и могут рассчитывать на безусловную поддержку друг друга.

Таким образом, замкнутая полицейская субкультура – феномен интернациональный. Ключевые ее черты (высокая внутренняя солидарность, неформальный кодекс лояльности, цинизм и противопоставление себя обществу) присущи правоохранным органам многих стран: «голубая стена молчания» в США, «canteen culture» в Британии, *esprit de corps* во Франции (кстати, именно здесь, несмотря на общественную критику, полицейские длительное время сопротивлялись признанию проблем, таких как этнический профайлинг, и лишь под давлением судебных исков и правозащитников государство начало осторожные реформы).

Общая степень закрытости и характер субкультурных норм могут различаться. Так, в России длительное отсутствие действенного гражданского контроля и наследие авторитарной системы привели к особой стойкости полицейской субкультуры перед внешними воздействиями, тем не менее, в результате планомерных реформ последних десятилетий механизмы подотчетности постепенно размывают самые архаичные черты полицейской субкультуры. Тем не менее, и зарубежный опыт показывает, что изменить укоренившиеся неформальные установки («круговая порука», образ врага в лице внешнего мира, профессиональный цинизм) крайне непросто – они воспроизводятся вновь и вновь в полицейских организациях разных государств, требуя комплексных долговременных усилий для их трансформации.

Обсуждение.

Стоит обозначить некоторые методологически интересные направления исследования полиции как закрытой социальной группы. Применительно к полицейской культуре оказываются плодотворными идеи символического интеракционизма и микросоциологии Э. Гофмана. В частности, элементы «тотального института», описанного Гофманом для закрытых учреждений (тюрьмы, казармы, лечебницы), прослеживаются и в организации полиции [4, 15]. Разумеется, полиция не является тотальным институтом в строгом смысле (ее сотрудники не изолированы физически от общества постоянно), однако некоторые

аналогии заметны. Так, процесс вступления в профессию можно сопоставить с ритуалом инаугурации, когда прежняя личностная идентичность новичка частично «стирается» и заменяется новой ролью – защитника порядка. В полицейской академии и на первых этапах службы происходит, говоря словами Гофмана, *mortification of self* – «умерщвление» прежнего «я» и усвоение коллективной идентичности, диктуемой институтом [4]. Новобранец обретает унифицированный внешний облик (форму) и регламентированный распорядок, а правила внешнего мира уступают месту внутренним нормам организации. Далее, применительно к повседневной службе, полезна гофмановская метафора «сцены и закулисья». Полицейские при исполнении служебных обязанностей выступают в официальной роли, следуя сценариям вежливого общения с гражданами, демонстрируя выправку и контроль – то есть выполняют «фронтальную» публичную роль. Однако за закрытыми дверями участка или в кругу коллег (на «закулисье») они позволяют себе разрядку напряжения: циничный юмор, сленг, критические отзывы о начальстве или гражданских лицах. Это типичный импрессионистский менеджмент по Гофману, когда внешнему миру показывается отредактированное лицо организации, тогда как истинные эмоции и оценки проявляются только внутри группы. Наконец, через призму концепции стигмы можно понять описанное выше взаимное восприятие полиции и общества. С одной стороны, полицейские стигматизируют «подозрительные» категории населения, навешивая на них ярлыки (как рассмотрено ранее). С другой стороны, и сама полиция порой подвергается стигматизации со стороны общества – особенно в тех случаях, когда ее замкнутость приводит к злоупотреблениям. Образ «жестокого копа» или «коррумпированного полицейского» становится клеймом, которое усиливает отчужденность: честные офицеры чувствуют себя незаслуженно непонятыми, а граждане – не доверяют даже добросовестным представителям закона. Таким образом, подход Гофмана высвечивает двусторонний характер взаимодействия «своих» и «чужих» в полицейской сфере и природу внутриинституциональных ритуалов, поддерживающих групповую идентичность.

Не менее ценен для понимания феномена замкнутости полиции и подход М. Фуко, рассматривающий современные институты с точки зрения практик дисциплины и власти. Полиция как организация во многом действует по принципам, схожим с описанными Фуко для тюрьмы, армии и

фабрики: через систему непрерывного надзора, подробного регламентирования поведения и иерархического контроля она стремится сформировать послушных и надежных исполнителей. Внутренняя дисциплинарная структура полиции (приказы, уставы, инспекции, служебные расследования) служит тому, чтобы каждый сотрудник следовал установленным нормам. Нарушения караются взысканиями, и тем самым поддерживается «порядок через наказание» [17]. В то же время, полицейская субкультура умеет приспосабливаться к внешнему дисциплинарному давлению: формальная подчиненность правилам сочетается с неформальным единством против вмешательства извне. Можно сказать, что внутри полицейского корпуса вырабатывается своеобразный контр-дисциплинарный механизм – коллективная солидарность, которая сама регулирует поведение членов группы, порой вразрез с официальными правилами. Например, описанная выше «стена молчания» – это способ противостоять внешнему контролю (следствию, суду), используя ту же дисциплину, но в интересах группы. Данный феномен перекликается с идеей Фуко о власти, пронизывающей все общество: дисциплинарная власть в полиции действует не только «сверху вниз» (от начальства к подчиненным), но и горизонтально – посредством групповых норм и контроля коллег друг другом. Кроме того, концепция Фуко о «паноптиконе» – всевидящем надзоре – интересна в обоих аспектах полицейской темы. С одной стороны, полиция сама является инструментом паноптического наблюдения в обществе, осуществляя надзор за населением и обеспечивая «видимость» власти государства повсюду. С другой стороны, и внутри самой полиции усиливается элемент надзора: в современную эпоху офицеры носят нагрудные видеокамеры, их действия фиксируются на видео и проверяются, что приводит к своего рода паноптиконному эффекту уже по отношению к самим полицейским.

Таким образом, находясь одновременно в роли надзирающего и подвергающегося надзору, полиция воплощает идеи Фуко о циркуляции власти и о том, что замкнутость группы всегда относительна и поддерживается определенными техниками дисциплинирования.

Наконец, важную интерпретацию закрытости полицейской группы дает теория П. Бурдьё. Его концепция габитуса – устойчивой системы предрасположенностей, формирующейся под влиянием социального опыта, – хорошо объясняет глубокое укоренение профессиональных

установок у офицеров полиции [1, с.14]. Ежедневно сталкиваясь с конфликтными ситуациями, риском и необходимостью утверждать авторитет, полицейские вырабатывают специфический габитус: комбинацию навыков, инстинктов и интуиций, которая отличает их от «неполицейских». Этот габитус проявляется в мелочах – манере речи, походке, стиле взаимодействия с окружающими – и создает единый корпус поведенческих схем, воспроизводящихся из поколения в поколение служителей порядка. Через призму теории Бурдьё замкнутая субкультура полиции возникает как результат действия особого поля – поля правоохранительных институтов. Внутри этого поля действуют свои законы и распределены свои виды капитала (не только экономического или властного, но и культурного и символического). Например, важным капиталом для полицейского является оперативный опыт: знание «улицы» («земли» – российский вариант), умение применять силу и психологически доминировать, а также репутация надежного, «своего» человека. Обладание таким капиталом повышает статус офицера в глазах коллег. В то же время, формальные показатели – звания, награды, образование – тоже признаются, но сами по себе могут не обеспечить уважения без поддержания разделяемых группой верований и ценностей. С точки зрения Бурдьё, полицейское сообщество стремится сохранить монополию на легитимное насилие и на определение ситуации, что является проявлением символической власти государства [1]. Замкнутость и обособленность здесь выступают защитным механизмом: чтобы внешний мир не обесценивал полицейский капитал, группа устанавливает границы допуска («чужие не понимают специфики нашей работы»). Попытки реформ, направленные на изменение полицейской культуры (например, внедрение принципов «общественно-ориентированной полиции» (community policing) или повышение разнообразия кадрового состава), часто наталкиваются на сопротивление именно потому, что затрагивают устоявшийся габитус и баланс сил в поле [2]. Исследование Дж. Чан показало, что изменение официальной идеологии (например, декларирование толерантности или сервисной ориентации) недостаточно, если не трансформируются глубинные структурные условия службы и критерии признания среди самих офицеров [2]. Тем самым, подход Бурдьё подчеркивает: полицейская субкультура – не произвольный набор «вредных привычек», а логичный продукт социальных условий и расстановки

сил, воспроизводящийся до тех пор, пока сохраняются эти условия.

Заключение.

Полиция выступает сложным социальным феноменом, сочетающим черты бюрократической организации и сплоченной профессиональной общности. Проведенный анализ зарубежных социологических исследований подтвердил, что полиция во многом функционирует как закрытая социальная группа со своей субкультурой. Ей присущи такие ключевые свойства, как:

- высокая внутригрупповая солидарность и чувство корпоративной исключительности;
- выработка особых норм поведения (лояльность коллегам, «кодекс молчания»);
- отчетливое разграничение «своих» и «чужих», сопровождаемое стигматизацией внешних групп;
- наличие поддерживающих это разграничение ритуалов, жаргона и символов;
- воспроизводство всего комплекса этих черт через процесс профессиональной социализации.

Эти свойства выявлены в различных национальных контекстах и, по-видимому, носят универсальный характер для полицейских институтов современных обществ [3; 5; 7; 12].

С социологической точки зрения, замкнутость полицейской культуры объясняется объективными условиями и требованиями полицейской службы. Постоянный риск, стресс и ответственность способствуют формированию тесных братских связей между офицерами, что обеспечивает психологическую поддержку и эффективное выполнение обязанностей. В то же время, эти же факторы приводят к обособлению и самоизоляции корпуса от остального общества, порождая проблемы взаимопонимания и доверия. Полицейские субкультурные установки оказываются весьма устойчивыми: как показано, они укоренены в коллективном опыте и подкрепляются институциональными структурами. Поэтому реформы в правоохранительной сфере (от антикоррупционных мер до внедрения новых моделей взаимодействия с гражданами) должны учитывать фактор полицейской субкультуры.

Международный опыт свидетельствует о том, что изменения, игнорирующие неформальные нормы и ценности внутри полиции, встречают сопротивление и часто не дают ожидаемого эффекта [2, с.5]. Напротив, осознанное управление организационной культурой – например, поощрение прозрачности, обновление кадровых

ориентиров, воспитание нового габитуса, совместимого с принципами подотчетности, – может постепенно снизить негативные проявления замкнутости.

В заключение, следует отметить, что понимание полиции как закрытой социальной

группы имеет не только теоретическое, но и практическое значение – ведь от него зависит успех преобразований, направленных на построение полиции, одновременно эффективной в поддержании порядка и ответственной перед гражданским сообществом.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Bourdieu P. *Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field* // *Sociological Theory*. 1994. Vol. 12, No. 1. P. 1–18.
2. Chan J.B.L. *Changing Police Culture: Policing in a Multicultural Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
3. Fassin D. *Enforcing Order: An Ethnography of Urban Policing*. Cambridge: Polity Press, 2013.
4. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Doubleday, 1961.
5. Paoline E.A. III. *Taking stock: Toward a richer understanding of police culture* // *Journal of Criminal Justice*. 2003. Vol. 31, No. 3. P. 199–214.
6. Reiner R. *The Politics of the Police*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010.
7. Skolnick J.H. *Justice Without Trial: Law Enforcement in Democratic Society*. New York: John Wiley & Sons, 1966.
8. The Blue Wall Did Not Hold At Derek Chauvin's Trial. NPR's Lulu Garcia-Navarro speaks to Georgetown Law professor Paul Butler about the trial of Derek Chauvin and the police who testified // NPR 24. April 11, 2021. URL : <https://www.npr.org/2021/04/11/986203247/the-blue-wall-did-not-hold-at-de-rek-chauvins-trial> (дата обращения 18.04.2025).
9. The blue wall of silence perpetuates racist policing, wrongful convictions // <https://mtinnocenceproject.org/the-blue-wall-of-silence-perpetuates-racist-policing-wrongful-convictions/> (дата обращения 18.04.2025).
10. Van Maanen J. *The Asshole* // Manning P.K., Van Maanen J. (eds.) *Policing: A View from the Street*. Santa Monica, CA: Goodyear Publishing, 1978. P. 221–238.
11. Waddington P.A.J. *Police (canteen) sub-culture: An appreciation* // *British Journal of Criminology*. 1999. Vol. 39, No. 2. P. 286–308.
12. Westley W.A. *Violence and the Police: A Sociological Study of Law, Custom, and Morality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1970.
13. Westmarland L. *Police ethics and integrity: Keeping the «blue code» of silence* / L. Westmarland, S. Conway // *International Journal of Police Science and Management*. 2020. Vol. 22. Iss. 4. P. 378–392.
14. Бурдые П. *Практический смысл* – СПб.: Алетейя, 2001 г.
15. Гоффман, Э. *Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений* / – Москва: Элементарные формы, 2019 г.
16. Петрулевич И. А. *Качественная методология эмпирических исследований мнения сотрудников полиции в структуре социологической диагностики деятельности ОВД (на примере глубинных интервью)* // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennaya-metodologiya-empiricheskikh-issledovaniy-mneniya-sotrudnikov-politsii-v-strukture-sotsiologicheskoy-dagnostiki> (дата обращения: 14.04.2025).
17. Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 1999.
18. Чимаров С.Ю., Марченко Г.В., Игошин Н.А. *Анализ проблемы транспарентности полицейской деятельности в контексте практического проявления феномена «синей стены молчания» (на примере США)* // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-problemy-transparentnosti-politseyskoy-deyatelnosti-v-kontekste-prakticheskogo-proyavleniya-fenomena-siney-steny-molchaniya> (дата обращения: 14.04.2025).

References:

1. Bourdieu P. *Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field* // *Sociological Theory*. 1994. Vol. 12, No. 1. P. 1–18.
2. Chan J.B.L. *Changing Police Culture: Policing in a Multicultural Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
3. Fassin D. *Enforcing Order: An Ethnography of Urban Policing*. Cambridge: Polity Press, 2013.
4. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Doubleday, 1961.
5. Paoline E.A. III. *Taking stock: Toward a richer understanding of police culture* // *Journal of Criminal Justice*. 2003. Vol. 31, No. 3. P. 199–214.
6. Reiner R. *The Politics of the Police*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010.

7. Skolnick J.H. *Justice Without Trial: Law Enforcement in Democratic Society*. New York: John Wiley & Sons, 1966.
8. The Blue Wall Did Not Hold At Derek Chauvin's Trial. NPR's Lulu Garcia-Navarro speaks to Georgetown Law professor Paul Butler about the trial of Derek Chauvin and the police who testified // NPR 24. April 11, 2021. URL : <https://www.npr.org/2021/04/11/986203247/the-blue-wall-did-not-hold-at-derek-chauvin-trial> (accessed 04/18/2025).
9. The blue wall of silence perpetuates racist policing, unlawful convictions // <https://mtinnocenceproject.org/the-blue-wall-of-silence-perpetuates-racist-policing-wrongful-convictions/> (accessed 04/18/2025).
10. Van Maanen J. *The Asshole* // Manning P.K., Van Maanen J. (eds.) *Policing: A View from the Street*. Santa Monica, CA: Goodyear Publishing, 1978. P. 221–238.
11. Waddington P.A.J. *Police (canteen) sub-culture: An appreciation* // *British Journal of Criminology*. 1999. Vol. 39, No. 2. P. 286–308.
12. Westley W.A. *Violence and the Police: A Sociological Study of Law, Custom, and Morality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1970.
13. Westmarland L. *Police ethics and integrity: Keeping the "blue code" of silence* / L. Westmarland, S. Conway // *International Journal of Police Science and Management*. 2020. Vol. 22. Iss. 4. P. 378-392.
14. Bourdieu P. *Practical meaning* – St. Petersburg.: Aletya, 2001.
15. Goffman, E. *Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions* / – Moscow: Elementary Forms, 2019.
16. Petrulevich I. A. *Qualitative methodology of empirical research of police officers' opinions in the structure of sociological diagnostics of police department activities (on the example of in-depth interviews)* // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2024. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennaya-metodologiya-empiricheskikh-issledovaniy-mneniya-sotrudnikov-politsii-v-strukture-sotsiologicheskoy-dagnostiki> (date of reference: 04/14/2025).
17. Foucault M. *To supervise and punish: The Birth of prison* / translated from French by A. Garaggi. Moscow: Ad Marginem, 1999.
18. Chimarov S.Yu., Marchenko G.V., Igoshin N.A. *Analysis of the problem of transparency of police activity in the context of the practical manifestation of the phenomenon of the "blue wall of silence" (using the example of the USA)* // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-problemy-transparentnosti-politseyskoy-deyatelnosti-v-kontekste-prakticheskogo-proyavleniya-fenomena-siney-steny-molchaniya> (date of request: 04/14/2025).

Информация об авторах:

Тюнь Андрей Петрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры правовых и социально-экономических дисциплин Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), e-mail: tyun77@inbox.ru

Плотников Владимир Валериевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры ГМУ РЭУ имени Г.В. Плеханова, inkognito13@inbox.ru

Andrey P. Tyun, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Legal and Socio-Economic Disciplines, Rostov State Economic University (RINH).

Vladimir V. Plotnikov, doctor of sociological sciences, associate professor, professor of the philosophy department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, professor of the department of the State Medical University of the Plekhanov Russian University of Economics.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.05.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.